

ПО
ЛЕ
МИ
КАНаталья
БОНДАРЧУК,
кинорежиссер, заслуженная артистка России

Бунт против справедливости

Сергей Бондарчук в фильме "Судьба человека"

Зачем тревожат память Толстого и Бондарчука

ОДНА из статей вконе Андрея Кураева, опубликованная в последнее время, имеет такой подзаголовок: "Кошмары оставили умирающего Сергея Бондарчука лишь тогда, когда он отвернулся от портрета Толстого".

Зачем от портрета Толстого тревожить дух моего отца и Толстого, понятно из контекста другого сочинения Кураева, где он признается в следующем: "Я хочу сказать, что если Церковь не может привлечь к себе пристальное внимание СМИ иначе, как скандалами, — она должна уметь эти скандалы создавать".

Дожили! Вместо стяжания Духа Святого, стяжания мира и Благодати Божьей церковью, по Кураеву, должна создавать скандалы. И действительно, в этом диакон преуспел, он же возвещает: "Дело в том, что христианство как раз и началось с бунта против справедливости". Смелое высказывание, диакон Кураев, но абсолютно антихристианское.

Ибо сказано в Евангелии от Матфея: 5. 17. "Не думаю, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить".

5. 18. "Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все".

5. 19. "Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном".

Ибо, говорю вам, если праведник и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное".

Итак, где же увидел современный книжник нарушение Христом закона справедливости, может, в заповедях Христовых?

"Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будет мерить".

Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки".

Где здесь бунт против справедливости? И не есть ли этот бунт в самом Кураеве, бунт противозаконный и в конечном итоге противобожеский? Ибо Бог — Закон, любовь и справедливость — понятия для любого верующего человека неразделимы.

Может быть, по молодости лет диакон не заметил в себе зачаток честолюбия? Ибо что иное могло руководить им, когда он говорит в той же статье об интеллигенции такими словами: "Я самые резкие слова могу говорить об интеллигенции, потому что она в большинстве своем мало думает и уподобляется стаду баранов. Сегодня в котелках интеллигенции варится национальное блюдо — каша в голове".

Смею спросить у каждого стада относит себя сам Кураев?

"Волна зла широко разлилась по Земле, — писала Елена Ивановна Рерих, — и нужны все усилия самоотверженных тружеников Света, чтобы спасти гибнущий корабль человечества!"

Вот почему так неуместно важно бросать искры Света, но при этом смотреть, чтобы получивший ее не поджег бы всего здания, одолжив ее негодному. Человеческая душа — бездонна! Честолюбие — пылающий бич для самых твердых сердец и жестокая пытка, которую самый жестокий приготавливает для себя самого".

"Красота мира, — пишет Кураев, — не создана для человека, не заботится о человеке и потому, по сути своей, бес — человечнее".

Если великий Ф. М. Достоевский вывел формулу: "Красота спасет мир", а Н. К. Рерих уточнил: "Осознание красоты спасет мир", то диакон Кураев нам в этом спасении отказывает. Но, может быть, к нашему счастью, именно сам диакон или его душа еще не осознала красоты?

"Лично мне, — признается Кураев, — живопись Н. К. Рериха кажется чужой, холодной, бесчеловечной, без благодатной". А вот владыка Антоний, смотря на картину Н. К. Рериха "Ростов Великий", проникновенно сказал: "Молитва Земли Небу".

"Видеть картину Рериха, — писал Леонид Андреев, — это видеть всегда новое. Рерих может наполнить только те чарующие и священные сны, что снятся лишь чистым юношам и старцам и на мгновение сблизают их смертную душу с миром неземных откровений. И אותו путь Рериха — путь славы".

Может быть, сам диакон недостаточно чист, что не может воспринять спасающую душу красоту? Будем надеяться, что и он когда-нибудь вместо "ледяного излучения космоса" увидит в творчестве великого художника в таких работах, как "Святые Борис и Глеб", "Пантелеймон Целитель", "Прокопий праведный за неведомых плавающих молится", то, что увидел Сергей Эрнест.

"Внутренняя связь с религиозной традицией народа и претворение веры живухт религиозное вероисповедание художника, коим живут все его религиозные композиции, гораздо ценнее многих других течений в области церковного искусства, маской поверженности модернизма покрывающих свою некрепкую веру и мало говорящих сердцу верующих по старому ясно и чисто".

Кураев предостерегает: "Все, что связано с областью творчества, неважно — богословского, художественного, писательского или театрального — это все область повышенного риска. Да, церковь не запрещает людям заниматься творчеством, — смилостивился над творцами Кураев".

Кураев жлет, что Александра Львовна Толстая будто бы "обвиняла отца в бесноватости".

Вот уже второй год я работаю над образом Александры Толстой, и зрители могли видеть телефильм с моим участием "Крутые дороги Александры Толстой", поэтому, наверное, могу говорить о моей героине с большим правом, чем даже "богослов" Кураев.

Жизненный путь Алевксандры Львовны, гражданской дочери великого русского писателя, сродни гражданскому подвигу.

Тридцатилетняя Алевксандра уходит сестры милосердия на фронт первой мировой войны. Долгие,

полные лишения годы вены, две георгиевские награды, революционные перевороты, гонения и террор, наконец, камера с тюремной решеткой на Лубянке, Новоспасский концентрационный лагерь — и через все это Алевксандра из-за великую любовь к отцу и все это Алевксандра, даже прозаслужив тюрьму она вошла за нравственные устои яснополянцев.

"Все материальные блага получают именем Льва Николаевича, все живут за его счет, а совершенно не думают, чтобы отчасти следовать его учению и даже хоть стараться немного жить лучше".

Александра Львовна выступала в самые кровавые дни террора против гонения на церковь и массового расстрела священнослужителей. Так же, как ее отец, Александра Львовна не могла молчать, видя насилие над личностью.

"Жизнь прекрасна даже здесь, в тюрьме, — писала она сестре. — Жизнь послана нам Богом для служения ему и людям".

Перед тем как выйти из камеры, по всей стене громадными буквами она написала: "Дух человечества свободен!"

Его нельзя ограничить ничем, ни стенами, ни решетками!"

Да! Истинная дочь своего отца. Помните в "Войне и мире" слова арестованного Пьера Безухова, сыгранного моим отцом в экранизации Толстого?

"Арестовали! Кого, меня? Меня? Мою бессмертную душу, и все это во мне и все это мое и все это я..."

Да, у моего отца была огромная любовь к Толстому, к его мыслям, его масштабу. "Моя жизнь, мои фильмы", — любил говорить мой отец.

Что знает молодой диакон про муки творчества, про ответственность художника перед судом своей совести?

Из записок книжек Бондарчука:

"Кажется, что никому нет дела до "Войны и мира". Люди опустошены. Ничего нет святого. Разуверились. Устали. Мир на грани катастрофы. Кому нужно искусство? Кино? Праздник людям, и то для забавы. Разъединенные люди мечтают только о собственном личнопольствии, живут своим маленьким мирком блочных интересов... С трудом заставляю себя работать, думать. Для кого и для чего?"

Однако надо было жить, надо было работать. Уже две недели спустя в дневнике запись: "6 января 1963 года. Мукачево. Атака Багратиона".

Были годы неимоверного труда, и была самоотдача до последнего дыхания.

Во время съемок "Войны и мира" Сергей Федорович перенес клиническую смерть. И все же картина была завершена. И бессмертные толстовские образы Наташи Ростовой, Пьера Безухова, Андрея Волконского отозвались любовью в сердцах миллионов людей на планете. За эту работу фильм был удостоен "Оскара".

До конца своих дней Сергей Федорович с любовью и уважением вникал в титаническую мысль Толстого и уважением вникал в него.

"Верю я в следующее, — писал Толстой синоду (на его отлучение от церкви). — Верю в Бога, которого понимаю как дух, как любовь, как начало всего. Верю в то, что Он во мне и я в Нем. Верю в то, что истинное благо человека — в исполнении воли Бога, воля же Его в том, чтобы люди любили друг друга и вследствие этого поступали бы с другими так, как они хотят, чтобы поступали с ними, как и сказано в Евангелии, что в этом весь закон и пророки".

До конца жизни облик Толстого был любим моим отцом и жил в его сердце, он даже вырезал его небольшую скульптуру из дерева.

А как же любовь? — спросит Кураев. Ведь он утверждает, что Бондарчук якобы из-за портретов Толстого стал реально видеть бесов. Да! Бесы были. Только весьма телесные и даже очень плотные!

К концу жизни мой отец и другие художники его времени, такие, как Ростоцкий, Наумов, Бурляев и даже посмертно Герасимов, удостоились чести быть гонимыми и оклеветанными.

Я была вместе с моей подругой Натальей Белохвостиковой на том знаменитом съезде кинематографистов, где в эпицентре клеветнической кампании, выстроенной по всем канонам бесовского шабаша, оказалась творчество моего отца.

Бесы улюлюкали и стучали ногами, кричали непристойности и не давали говорить выступавшим.

И только один, один кинематографист — Никита Сергеевич Михалков встал на защиту любимого им художника и человека. Он сказал толпе: "Да если бы Сергей Бондарчук снял в своей жизни только две картины — "Судьбу человека" и "Войну и мир", я бы встал перед ним на колени". Бесовый зал мгновенно отреагировал злобными выкриками в адрес самого Михалкова.

И тогда-таки он опустился на колени перед моим отцом — тогда, когда по православной традиции его отпевали в церкви на улице Неждановой. Встал, чтобы перекрестить и поцеловать того, кто любил и чье творчество во многом растило его собственный талант.

На поминках Никита Сергеевич вспомнил, как однажды ему, совсем юному 15-летнему парню, Сергей Федорович с восторгом пытался объяснить "Монизм Вселенной" Циолковского. Его восхищали мысли великого прозорливца о бесмертии атома, и этот восторг о прочитанном он доверил юному Михалкову.

Может быть, все дело в любви? И Бог простит нам многое за то, что мы любим Толстого, Рериха? Ведь любовь и Бог едины!

Ведь сказано в Евангелии в первом послании Коринфянам:

13.2 "Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви — то я ничто..."

Любовь долготерпелива, милосердствует, не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине".